

Андреева Анна Анатольевна

канд. филолог. наук, доцент кафедры журналистики,
Тюменский государственный университет,

Нелаева Галина Александровна,

канд. полит. наук, профессор кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет,

Хабарова Елена Анатольевна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет

Andreeva Anna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism,
Tyumen State University,

e-mail: a.a.andreeva@utmn.ru

Nelaeva Galina

Candidate of Political Sciences. Professor of the Department of History and World
Politics, Tyumen State University,

e-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Khabarova Elena

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Tyumen State
University,

e-mail: e.a.khabarova@utmn.ru

УДК 343

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ АСПЕКТЕ

PROTECTION OF VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE: CONSTITUTIONAL, LEGAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

Аннотация: по всему миру увеличилось число жертв домашнего насилия и учеными обсуждается проблема применения средств правовой защиты. В условиях пандемии коронавируса наиболее уязвимые слои населения пострадали от ограничительных мер, государство должно реагировать на проблему насилия в условиях кризиса. В Конституции Российской Федерации закреплено право потерпевшим от преступления на доступ к правосудию. В статье анализируется судебная практика в международных судебных органах по делам о домашнем насилии. Анализируются решения Европейского суда по

правам человека и общие рекомендации государствам о расследовании дел о домашнем насилии. Решения международных судов указывают на обязанность государства надлежащим образом расследовать случаи гендерного насилия, оказывать жертвам помощь. Приводятся аргументы о необходимости реабилитации жертв гендерно-обусловленного насилия. Рассматривается целесообразность принятия федерального закона «О домашнем насилии в Российской Федерации». Приводятся аргументы со стороны правозащитников о необходимости принятия закона, также мнения юристов-практиков, о проблеме реализации действующих норм законодательства и достаточности действующего административного и уголовного законодательства для урегулирования проблемы.

Ключевые слова: домашнее насилие, Европейский суд по правам человека, судебная практика.

Abstract: In the recent years, the number of domestic violence victims has increased all over the world, thus, the problem of legal remedies has been on the agenda of researchers and practitioners. In the context of the coronavirus pandemic, the most vulnerable groups of the society have suffered from restrictive measures necessitating state responses to the problem of violence in times of crisis. The Constitution of the Russian Federation guarantees the right of victims of crime to have access to justice. The article analyzes judicial practice in international judicial bodies in cases of domestic violence: the decisions of CEDAW Committee and the European Court of Human Rights (ECtHR), as well as their recommendations to the state. The decisions of international courts point to Russia's obligation to properly investigate gender-based violence and provide assistance to victims. Arguments are given about the need for rehabilitation of victims. The expediency of adopting the Federal Law "On Domestic Violence" is examined from the point of view of human rights defenders who stress the necessity to adopt this law. Counter-arguments of legal practitioners who emphasize that existing administrative and criminal laws are sufficient to cover the problem are also examined.

Keywords: domestic violence, European Court of Human Rights, judicial practice.

Проблема гендерно-обусловленного насилия, домашнего насилия и насилия в отношении женщин [1] неоднократно поднималась различными международными органами и судами. Существует ряд международных и региональных соглашений, где данный вид насилия запрещен, а государствам рекомендовано принять необходимые меры для наказания виновных и предотвращения подобных преступлений [2].

В России данная проблема вышла на новый виток обсуждений в связи с несколькими громкими решениями Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин ООН (КЛЖД) и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), где впервые было установлено, что подобное насилие носит системный характер, а российское законодательство и правоприменительная

практика требуют серьезных реформ [3].

В данном выступлении нам хотелось бы проанализировать решения КЛЖД ООН и ЕСПЧ в отношении России, а также рекомендации данных институтов в контексте общественных дискуссий о необходимости принятия специального закона, защищающего жертв домашнего насилия.

В соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее КЛДЖ) от 1999 года, индивиды получили право подать обращение в КЛЖД после исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Комитет оценивает обращение на предмет приемлемости и выносит решение по существу, а также дает конкретные и общие рекомендации государству. Мнения и рекомендации Комитета не имеют обязательной юридической силы, хотя ожидается, что государства будут «должным образом учитывать» их. Комитет также может назначить кого-то из своих членов для проведения расследования. С согласия государства-участника расследование может включать посещение территории государства [4]. Согласно статье 5 Факультативного протокола Комитет может принимать временные меры для предотвращения «непоправимого ущерба» жертве. Комитет также изучает периодические отчеты государств-участников «о законодательных, судебных, административных или иных мерах, которые они приняли для выполнения положений настоящей Конвенции, и о прогрессе, достигнутом в этом отношении» [5].

По состоянию на сентябрь 2021 года на рассмотрении находится 36 дел в соответствии с Факультативным протоколом [6]. Россия подписала Конвенцию в 1980 году и ратифицировала ее в 1981 году. Факультативный протокол к Конвенции был подписан в 2001 году и ратифицирован в 2004 году. С 2004 года Комитетом против России было зарегистрировано девять обращений, два из которых были признаны неприемлемыми, в четырех были найдены нарушения Конвенции, остальные находятся на стадии рассмотрения [7]. Проблема домашнего насилия поднималась в деле S.T. против России, в

котором заявительница, жительница Чечни, указывала на то, что систематически подвергалась физическому и психологическому насилию со стороны своего мужа, что в итоге привело к серьезным физическим увечьям и инвалидности [8]. Заявительница подчеркнула, что находится в финансовой зависимости от мужа и не может позволить себе жить отдельно (п. 2.4). Также было упомянуто, что она не могла позволить себе необходимое лечение (п. 2.23), а ее требования о компенсации были отклонены судом (п. 3.6). Она также не могла пойти в приют для женщин-жертв насилия, потому что в ее деревне подобных служб не было. Жители деревни обвинили ее в том, что она «провоцировала своего мужа», а другие члены ее семьи подверглись стигматизации, хотя они также подвергались насилию. В свою очередь насильник получил мягкое наказание, поскольку было решено, что он действовал в состоянии аффекта (п. 2.17). Заявительница утверждала о нарушении статьи 2 (с) и (d) в совокупности со статьей 1 и статьей 5 (а) Конвенции КЛЖД, поскольку государство никак не защитило ее от насильственных действий со стороны ее мужа. В деле рассматривались также сложные религиозные и культурные аспекты проблемы домашнего насилия в определенных регионах.

В практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) проблема гендерно-обусловленного насилия рассматривалась в рамках статьи 2 (право на жизнь), статьи 3 (запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания), статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство), статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и статья 14 (запрещение дискриминации). Судом рассматривались такие сложные вопросы, как предполагаемый риск подвергнуться домашнему насилию в случае депортации, неудовлетворительное расследование преступлений, связанных с домашним насилием, недоступность адекватной защиты от преступников, конфиденциальность переписки, насилие, осуществляемое в сети Интернет, и т.д. [9] Судом неоднократно отмечалась необходимость добросовестного расследования случаев насилия и принятия

мер по его предотвращению [10].

Первое дело против России, связанное с домашним насилием, появилось в июле 2019 года и сразу же стало предметом беспрецедентного внимания со стороны СМИ. Решение ЕСПЧ совпало с общественными дебатами о необходимости принятия специального закона о борьбе с домашним насилием и показало, насколько поляризовано российское общество по этому вопросу. Заявительница, Валерия Володина, жительница Ульяновска, подвергалась физическому и психологическому насилию со стороны своего партнера на протяжении нескольких лет, однако ее заявления в полицию были оставлены без внимания. Уголовное дело против насильника было возбуждено только после того, как он разместил интимные фото заявительницы в сети Интернет, однако на момент подачи заявления в ЕСПЧ никаких действий в его отношении предпринято не было. Опасаясь за свою жизнь, заявительница была вынуждена сменить имя и переехать в другой город [11].

Суд указал на позитивные обязательства государств в соответствии со статьей 3, а именно: «обязательство устанавливать и применять на практике адекватные правовые средства, обеспечивающие защиту от жестокого обращения со стороны частных лиц; обязательство принимать разумные меры, чтобы предотвратить реальный и непосредственный риск жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать, а также обязательство провести эффективное расследование» (п. 77). Тот факт, что власти не начали уголовное преследование в отношении партнера заявительницы, несмотря на постоянные жалобы на него, и не приняли никаких мер для защиты потерпевшей, привел Суд к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции (п. 101). Важно отметить, что ЕСПЧ не принимает аргумент государств о том, что насилие в семье может рассматриваться как проявление «частной жизни» лиц (п. 105).

Суд также установил, что домашнее насилие в России непропорционально затрагивает женщин, и установил нарушение статьи 14 в совокупности со статьей 3. По данным полиции за период 2015-2017 гг.,

«Женщины составляли от 67% до 74% всех взрослых жертв зарегистрированных преступлений, совершенных в семье». Наиболее распространенной формой насилия являются побои, ему подвергаются как женщины, так и дети (п. 119).

Польшина против России (16 июня 2020 г.) было еще одним делом, когда ЕСПЧ рассмотрел домашнее насилие и установил нарушение статьи 3 в совокупности со статьей 14 Конвенции из-за нежелания полиции расследовать жалобы и неспособности государства обеспечить правовую защиту жертв домашнего насилия [12]. Заявительница, Светлана Польшина из Санкт-Петербурга, жаловалась на систематическое физическое и психологическое насилие со стороны ее мужа, воспрепятствование общению с ребенком и угрозы убийством. Побои и угрозы продолжались более двух лет, однако виновный не был наказан. Травмы потерпевшей были признаны недостаточно серьезными, чтобы стать основанием для уголовного преследования. Суд отметил, что «отсутствие специального закона о борьбе с домашним насилием, а также защитных предписаний, показывает, что российские власти не хотят признавать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия в России и ее дискриминационного характера в отношении женщин» (п. 46).

В России идея принятия специального закона о борьбе с домашним насилием возникла еще в 1990-е годы. Однако несмотря на то, что законопроект вносился в Госдуму рассмотрение более 40 раз, он ни разу не прошел первое из трех обязательных чтений. В ноябре 2019 года новая редакция законопроекта была внесена в Совет Федерации, но так и не была принята из-за многочисленных разногласий. Одним из наиболее спорных вопросов в законопроекте было определение понятия «семейно-бытовое насилие», которое подверглось критике как со стороны либеральных, так и со стороны консервативных групп общества. А именно, недовольство было вызвано тем, что данное явление было определено как «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее

признаки административного правонарушения или уголовного преступления» [13]. Правозащитники подвергли критике это определение насилия, указав, что насилие как таковое всегда содержит элементы административного правонарушения или уголовного преступления. Практикующие юристы указали на бесполезность такого закона для потерпевших из-за концептуальной двусмысленности [14]. Также много споров вызвал механизм защитного предписания, понимаемого разработчиками как «документ, оформленный должностным лицом органа внутренних дел, определяющий меры защиты лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию». Как должно выглядеть это предписание? Не будет ли этот механизм использоваться государством для изъятия детей из семьи? Поможет ли он защитить жертв? [15] В период пандемии работа над законом была приостановлена, но дискуссии о необходимости его принятия продолжаются.

В условиях пандемии Россия столкнулась с теми же вызовами, что и другие страны. Количество жертв домашнего насилия увеличилось в 2,5 раза (по словам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Москальковой) [16]. Несмотря на то, что были предприняты меры по защите жертв в период самоизоляции [17], они были недостаточны и часто недоступны жителям маленьких городов и сел [18]. Пандемия показала, что некоторые женщины наиболее уязвимы в ситуации кризиса, например, пожилые женщины, беременные женщины, матери-одиночки, и тд., и нужны особые меры по их защите [19].

Список литературы

1. Венская Декларация, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 г.: Vienna Declaration (General Assembly Res. 48/104, 20 December 1993, ст. 1. https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.21_declaration%20elimination%20vaw.pdf

2. General Recommendation No. 25: Article 4, paragraph 1, of the Convention (temporary special measures), 30th Session (2004) (Feb.10, 2021), available at https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/INT_CEDAW_G EC_3733_E.pdf; General recommendation No. 19: Violence against women. 11th Session (1992) (Feb.10, 2021), available at

https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/INT_CEDAW_G EC_3731_E.pdf

3. Jean-Baptiste Bouillon-Minois, Maëlys Clinchamps, and Frédéric Dutheil, Coronavirus and Quarantine: Catalysts of Domestic Violence, Violence Against Women, 1–3 (2020) (Feb.11, 2021), available at <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1077801220935194>

4. Article 8 (2). Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, (Feb.10, 2021), available at <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/opcedaw.aspx>.

5. Article 18 (1), Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, 18 December 1979 (Feb.10, 2021), available at <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cedaw.aspx>.

6. Status of pending cases under the Optional Protocol to CEDAW, as of 27 October 2020 (Feb.10, 2021), available at <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/cedawindex.aspx>.

7. S.T. v. Russia, CEDAW/C/72/D/65/2014; O.G. v. Russia, CEDAW/C/68/D/91/2015; X. and Y. v. Russia, CEDAW/C/73/D/100/2016; O.N. and D.P. v. Russia, CEDAW/C/75/D/119/2017.

8. Communication No. 65/2014, CEDAW/C/72/D/65/2014 (Feb.10, 2021), available at <https://undocs.org/en/CEDAW/C/72/D/65/2014>.

9. Factsheet: Domestic Violence, ECtHR, Nov. 2020. (Feb.10, 2021), available at https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Domestic_violence_ENG.pdf.

10. Lee Hasselbacher, State Obligations Regarding Domestic Violence: The European Court of Human Rights, Due Diligence, And International Legal Minimums of Protection, 8(2) Northwestern Journal of International Human Rights, 190-215 (Spring 2010). (Feb.10, 2021), available at <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njihr/vol8/iss2/3>.

11. Volodina v. Russia. Application no. 41261/17.

12. Polshina v. Russia. Application N 65557/14.

13. Lucy Ash, Russian domestic violence: Women fight back, BBC News, 21 November 2019 (Feb.10, 2021), available at <https://www.bbc.com/news/election-2019-50493758>.

14. Федеральный закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Официальный веб-сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Draft Federal Law on Preventing Domestic and Family Violence, Official Website of the Federation Council] (Feb.10, 2021), available at <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf>

15. Интервью с Людмилой Виноградовой (член Общественной палаты Российской Федерации, судья в почетной отставке). Почему не нужен закон о профилактике домашнего насилия? Часть III. Родительское Всероссийское Сопrotивление РВС [Ludmila Vinogradova, member of the Public Chamber of the Russian Federation. Honorary retired judge. “Why is there no need for a law to prevent domestic violence?” Part III. All-Russia Parents’ Resistance. RVS. 16 September 2019] (Feb.10, 2021), available at <https://www.youtube.com/watch?v=CATQG8Wplk8>.

16. Москалькова сообщила о росте случаев домашнего насилия во время эпидемии. РБК. 5 мая 2020. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eb0bb599a79474f582ed637>

17. Меры для предупреждения кризисной ситуации [Crisis Prevention Measures, Gosuslugi] (Feb.10, 2021), available at https://www.gosuslugi.ru/domestic_abuse; Куда

обратиться пострадавшим от домашнего насилия во время самоизоляции [Who should Domestic Violence Victims Contact during Self-Isolation, Gosuslugi St.-Petersburg] (Feb.10, 2021), available at <https://gu.spb.ru/news/kuda-obratitsya-postradavshim-ot-domashnego-nasili/>.

18. Domestic violence in the age of COVID-19 in Russia, Submission on behalf of seven women's rights organisations: "Zona Prava," ANNA - Centre for the Prevention of Violence, Consortium of Women's Non-Governmental Associations, Russian Justice Initiative (RJI), "YouAreNotAlone" Women's Mutual Help Network, The Sisters Centre, The Kitezh Centre (Feb.10, 2021), available at https://srji.org/upload/medialibrary/fd8/GBV_in_RUSSIA_COVID_19.pdf.

19. Larisa Zhukova, How COVID-19 pandemic affected women in Russia, Heinrich Böll Foundation, 19 June 2020 (Feb.10, 2021), available at <https://eu.boell.org/en/2020/06/18/how-covid-19-pandemic-affected-women-russia>.